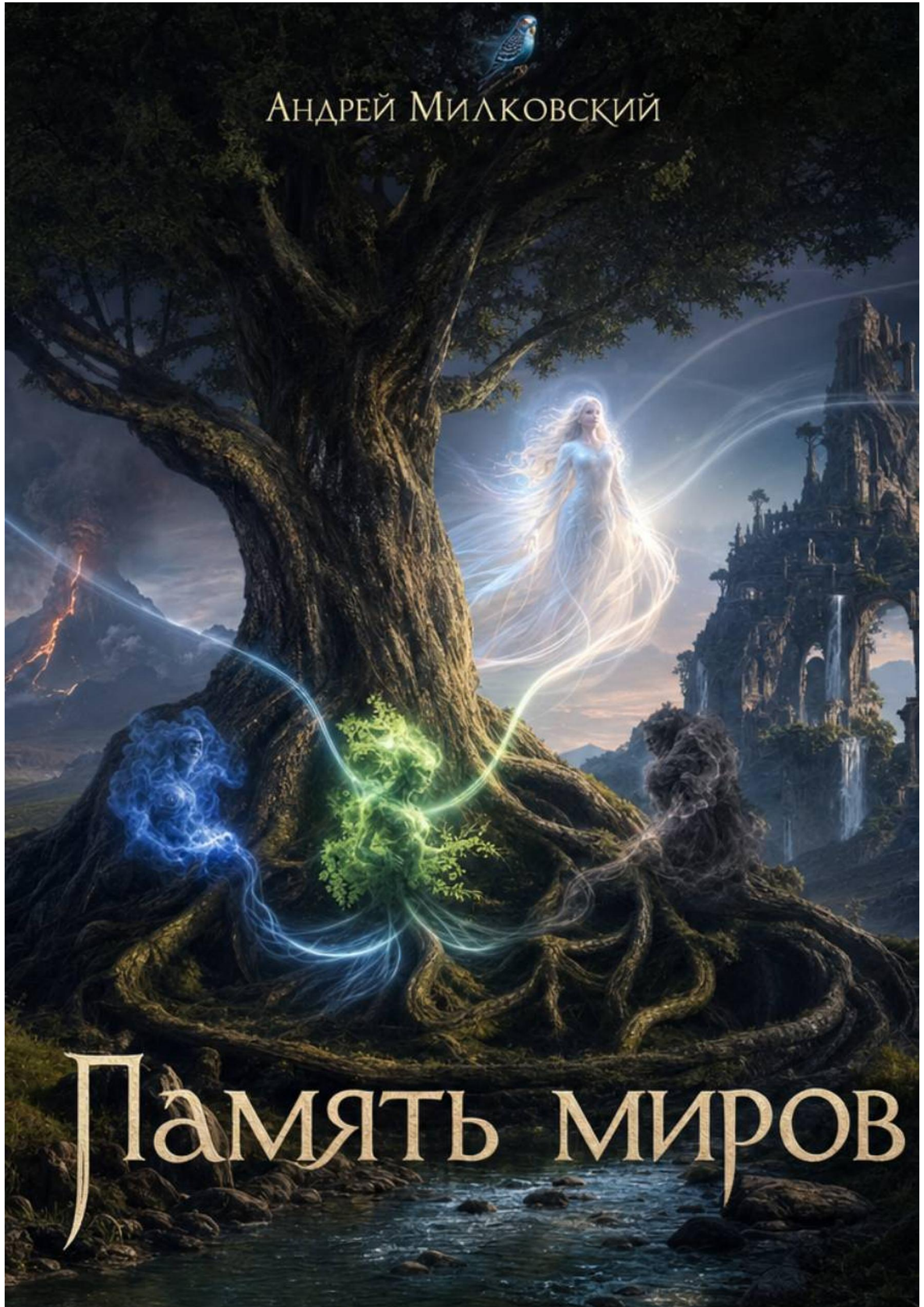

A fantastical scene featuring a large, ancient tree with thick, gnarled roots. A glowing, ethereal woman with long, flowing white hair and a white dress stands in the air, surrounded by bright, swirling light. A small blue bird is perched on a branch of the tree. In the background, a large, dark, and imposing castle with multiple towers and arches is visible, with a waterfall cascading down its side. The sky is dark with a hint of a sunset or sunrise, and a bright blue energy swirl is visible near the base of the tree. The overall atmosphere is magical and mysterious.

АНДРЕЙ МИЛКОВСКИЙ

Память миров

Андрей Милковский

Память миров

«Автор»

2026

Милковский А. Н.

Память миров / А. Н. Милковский — «Автор», 2026

О мирах, которые держатся на чувствах живых. О выборе между защитой и свободой. О том, как память живых и боль утраты могут изменить исход встречи со тьмой.

© Милковский А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящается	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Память миров

Посвящается

В память о наших питомцах, друзьях и самых маленьких членах семьи.

О тебе, Цветик, и о тебе, Жасмин.

Вы были частью нашей души. Прощайте, попугайчики...

Глава 1

Поля текли сквозь меня ровно, широко — так двигаются, когда мир спокоен. Где-то на пределе слышимости они дрожали тонко. Я стоял на склоне, у корневого круга Древа. Ветра не было. Воздух касался кожи прохладой и влагой. Здесь он всегда был чуть тяжёлым — насыщенным испарениями от нижних слоёв, от гниющей трухи, от медленного дыхания корней.

На рассвете я сел на край выступа, закрыл глаза и слушал. Просто перебирал звуки: далёкий свист, шорох листвы, тонкий звон капель. Хороший способ проветрить голову.

Опустил ладонь на корень, выступающий из склона. Кора была шершавой, с продольными трещинами; в одной застрял клочок чужой шерсти — рыжеватый, свалившийся. Я провёл пальцем по краю трещины, слушая, как корень отвечает мне глухим, долгим гулом.

Она пришла без звука. Лёгкое смещение полей, будто воздух переступил сам себя.

— Ты тоже чувствуешь приближение, — сказала Она. — Но не знаешь — чего.

Голос Эллатры лёг внутри меня прикосновением, которое уже знало ответ.

— Я его слышу, — ответил я, не оборачиваясь. — Далеко, за краем.

Пальцы всё ещё лежали на корне. Я слышал, как её поле перераспределилось, устраиваясь на поверхности. Перламутровое одеяние скользнуло по камню; я знал, что оно переливается сейчас тёплым розовато-золотым — потому что поля вокруг Неё были спокойны.

— Ты смотрел за Остру, — спросила Она.

— Там нити тоньше, — ответил я. — Будто натянуты сильнее, чем нужно.

Я повернулся. Эллатра сидела на корне, поджав ноги. Она провела рукой над корнем и поле вслед её движению начинало светиться зелёным, угасая через мгновение. На её плече сидел маленький комочек жизни, птица с синей грудкой и тёмными вкраплениями на крыльях. Она ритмично щебетала этому миру, радуясь каждому мгновению.

— Ты прав, они натянуты. С той стороны, которую мы ещё не проверяли. — сказала она и замолчала.

Я привык, что после нескольких её фраз наступает тишина. В этой тишине разговора я слышал, как внизу, в глубине Талестры, медленно движутся поля, как где-то далеко, начинается дождь — влага уже тяжёлым одеялом опускалась на поверхность, меняя натяжение нитей.

Птица вспорхнула и полетела к кроне Древа. Эллатра проводила её взглядом, пока та не скрылась за ветвями.

— Попытаешься услышать? — спросила она.

— Хочу знать, кто натянул, — ответил я и опустил взгляд. Под ногами, в щели между корнями, лежала половинка расколотого камня с белой прожилкой. Я нагнулся, поднял. Тяжёлый. Края острые. Я покрутил его в пальцах и сунул обратно в труху.

— И я хочу, чтобы ты узнал, — ответила Эллатра. — И вернулся рассказать.

Она поднялась — плавно, будто поля сами подняли Её. Перламутровое одеяние стекло вниз, закрывая ступни. И не обернувшись на прощание — растворилась в смещении света, оставив после себя только чуть более плотную тишину и запах нагретой солнцем коры.

Я постоял ещё немного, прислушиваясь. Свистун на ветке надо мной дёрнул ухом, чихнул и принялся вычёсывать что-то из шерсти. Вода у подножия склона вздохнула и побежала дальше, как будто всё это время ждала, когда можно будет снова зашуметь.

— Ты говорил с Ней.

Голос был хрипловатым, будто его обладательница только что проснулась или долго молчала. Чувствующая живых шла босиком по мху. Руки её были испачканы в земле, она явно возилась с корнями до того, как заметила меня. Она уже обошла ближайших живых, прове-

рила норы, посмотрела, состояние зверей, — это её утро. Синяя птица уже оказалась у неё на плече. Перья её искрили — будто мир сам подсвечивал её путь.

Чуть поодаль, у развилки корней, стоял Опора. Он закончил обход окрестностей Древа — проверил границы, посмотрел, не сместилось ли что. Сейчас он молча стоял, проверяя узор полей. Спроси его, зачем — пожмёт плечом. Это его утро.

— Да, — ответил я после паузы, прислушиваясь к тому, как свежий разговор укладывается в память.

Чувствующая опустилась на серый камень. Птица вспорхнула, сделала круг и снова села ей на плечо.

— И о чём в этот раз?

— Нити натянулись за краем Круга шести Миров.

Она нахмурилась. Поле вокруг неё дёрнулось — короткая рябь, как от брошенного камня.

— Сильно?

— Пока не рвутся.

Она хмыкнула, опустила руки в текущую воду, серые следы потекли, перемешиваясь вместе с течением. Птица на плече переступила лапками, чистя клюв о ткань — и оставляя на ней уже знакомые полосы.

— Твой узор всегда тянется за край. Туда, где нити тоньше, — сказала она, глядя куда-то в сторону воды. — Когда впервые тебя увидела, поняла.

Я улыбнулся. В её словах была мягкая теплота. Подошёл к воде у подножия склона. Её поверхность дрогнула, поднялась чуть выше — словно сама захотела дотронуться до меня.

Чувствующая сидела на камне, опустив ноги в поток, и разглядывала, как отражённый свет рвётся и собирается на ряби. Птица спустилась на камни у воды.

Опора стоял, глядя на течение. Пальцы его касались корня — проверяя, что тот всё ещё твёрдый.

— Вода тебя запомнила. Корни о тебе шепчутся. Камни... ну, камни, как всегда, молчат, но они тоже обратили внимание. — Повернулась ко мне Чувствующая.

— А как ты поняла, что я вернулся? — спросил я, садясь рядом на соседний камень. Край его был шершавым, покрытым шелушащимся лишайником — чешуйки противно липли к ладоням.

Она показала на птицу, которая как раз вспорхнула и села на ветку над нами.

— Она заволновалась до того, как ты вышел. Я и не знала, что ты уходил, а она — знала.

Я посмотрел на счастливый комочек в ветвях. Он наклонил голову, глядя на меня одним глазом, потом другим, коротко свистнул — три звука, высокие, вопросительные.

— Она спрашивает, что ты слышишь, — сказала Чувствующая. — Я сказала ей про нити.

— Откуда ты знаешь, что она говорит?

— Поля подсказывают мне, — Чувствующая пожала плечом. — Я знаю, что она чувствует. Любопытство. Настороженность. Сейчас — спокойно, потому что тоже чувствует мои спокойные поля.

Чувствующая воспарила к ветке, провела пальцем по пёрышкам на голове птицы, и та прикрыла глаза, довольно шурясь.

Я помолчал, вслушиваясь в поток. Вода рассказывала о камнях на дне, которые медленно сглаживались движением; о корнях, пьющих у самого дна; о мельчайших живых в толще, которые почти не касались наших полей, но всё равно вплетались в общую ткань.

— Слушай, — сказал я, когда тишина стала достаточно плотной. — А как ты отличаешь? Ну, вот она сидит. — Я кивнул на птицу. — Просто сидит. Как ты понимаешь, что она не устала, не больна, не напугана?

Она повернула голову и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты всегда такой любопытный?

— Я Слышащий, всё новое — моя суть.

Она улыбнулась.

— Хорошо. Смотри. — Она протянула руку и коснулась птицы кончиками пальцев. Та замерла, но не отдернулась. — Её поле сейчас тёплое, ровное, без рывков. Если бы она была напугана — оно бы дрожало мелкими иглами наружу. Если бы болела — было бы тусклым, втянутым внутрь. Если бы устала — тяжёлым, с провалами.

Она убрала руку. Птица встряхнулась и принялась чистить крыло.

— Ты это чувствуешь? — спросил я.

— Я это вижу, — поправила она. — Так же, как ты видишь, что вода течёт. Просто мы видим разное.

Я кивнул, запоминая. Где-то в глубине под нами медленно поворачивались слои Талестры — я слышал его скрежет, тихий, как дыхание. Птица на ветке зевнула и переступила с лапки на лапку.

Чувствующая вдруг подняла голову, прищурилась, глядя куда-то вверх, сквозь ветви.

— Перистый змей планирует, — сказала она негромко. — Видишь?

Я поднял взгляд. Сначала — только ветви, листья, пятна света. Потом я заметил: длинная, тонкая тень скользнула между стволов, мелькнул гребень из перьев по хребту, и всё исчезло.

— Что он тут делает, — спросил я.

— Просто летит, — кивнула она в ответ, — Он красивый.

Где-то далеко начинался дождь. Я чувствовал, как приближение к Древу.

— Ты слышишь его? — спросила Чувствующая, хотя я не говорил вслух.

— Да, — ответил я. — Скоро будет здесь.

— Хорошо, — сказала она. — Я люблю дождь. После него всё пахнет иначе. И листья становятся мягче.

Опора стоял неподвижно, глядя в ту сторону, откуда приближалась влага. Пальцы его всё ещё лежали на корне. Не сжимали. Просто касались.

Мы сидели молча, пока первые капли не начали пробиваться сквозь крону — редкие, тяжёлые, они гулко ударяли по листьям, прежде чем упасть на наши плечи.

Чувствующая закрыла глаза и чуть наклонила голову вбок, подставляя лицо падающей воде. Птица рядом с ней распушилась, стряхивая капли, и вдруг издала трель. Я замер. Короткий взлёт звука — и пауза. Снова взлёт. Словно кто-то невидимый играл мелодию, знакомую только воздуху.

Чувствующая не обратила внимания — или сделала вид. Но я заметил, как она чуть улыбнулась, слушая.

Я смотрел как капли, стекающие по перьям, и вдруг подумал: мы только что говорили с Эллатрой. Она сказала, что нити натянуты за краем. Скоро нам придётся идти туда.

Но в этот момент, под первыми каплями дождя, рядом с той, кто чувствует каждое живое дыхание, и с тем, кто молча держит равновесие, — я не думал о том, что будет. Я просто слушал, как мир наполняется новыми звуками. И этого было достаточно.

Глава 2

Прошло несколько дней. Я сидел в Корневом круге, на сплетении толстых корней у самого ствола, где Древо дышало глубже всего. Чувствующая была где-то у живых, Опора — на границе.

Опустив ладони на кору я закрыл глаза. Древо подхватило меня. Удобная оболочка перестала быть мне нужной, я отпустил форму тела и вернулся в истинную форму, сотканную мне Эллатрой — тёмно-синее сияние, переливающееся тонкими извивающимися лучами. Переплетение полей, света, материи и памяти.

Я пошёл по нитям. Сквозь корни, сквозь сеть Талестры, сквозь узлы, где Древо касалось других миров. Кирра обожгла жаром, Мерена кольнула холодом — и остались позади. Я уходил дальше, туда, где поля истончались, а нити тянулись уже без опоры, одними только натяжением и памятью.

Где-то на пределе, далеко за краем Круга шести Миров, меня настиг далекий знакомый голос:

— Ты снова ушёл далеко за край?

Услышав Эллатру, я начал возвращаться к полям Древа. Восстановив зрение, я увидел над собой плотный слой ветвей и нитей, уходящих так высоко, что верхний край теряется в свете. Ветви похожи на переплетения жил: бесконечные, мягко светящиеся, в них медленно течёт жизнь. Где-то далеко, в верхних ярусах, идёт почти незаметное колебание — будто само Древо слушает вместе со мной. Подо мной — корни: толстые, как опоры, и тонкие, как жилки. Поле чувствует их структуру так же ясно, как глаза — свет. Вокруг — влажный, плотный воздух, пахнущий свежестью и старой корой.

— Я... Я просто слушал глубже. Дольше и дальше.

— Для обучения этого достаточно, — отвечает Эллатра.

Её голос идёт сразу из нескольких мест: из корней подо мной, из ветвей над головой, из самого ствола. Где-то в кроне ритм на миг сбивается, как если бы древо откликнулось на её слова.

— Что ты чувствуешь сейчас?

Тело лёгкое, но не пустое — часть меня всё ещё зацеплена за глубину корней. Широковатая древесная поверхность, местами заросшая мхом. Сбоку, ближе к внешнему кругу, поле отмечает более влажный слой — там идут каналы верхней воды. Ещё глубже — плотный, тихий камень.

— Я слышу жизнь.

— Уже точнее, — отзывается Эллатра.

Я плавно поднимаюсь, паря в потоке полей, чуть выше поверхности корней. Затем опускаюсь ступнями на кору — осознанно, чтобы чувствовать текстуру и отклик. Корни под ногами отзываются лёгкой дрожью, будто древо ещё не до конца отпустило меня изнутри.

Мы в Корневом круге: огромный ствол поднимается вверх, обхватом в десятки моих ростов. Вокруг — кольцевая площадка, где корни выходят наружу, переплетаются и снова уходят вниз. Над головой крона разбита на ярусы, по каждому идут свои медленные световые волны.

Чуть поодаль, у развилки корней, Опора. Он не участвует — просто стоит, сложив руки, глядя в сторону спуска. Он уже обошёл периметр сегодня утром, проверил границы. Сейчас он ждёт — не меня, а того, что будет дальше. Его присутствие — как точка отсчёта: есть место, куда можно вернуться.

— Сегодня, — говорит Эллатра, — вернемся к простому. Круг Шести Миров. Ты уже слышал названия?

— Кирра, Мерена... — я пытаюсь вытащить остальные из общей памяти. — Ещё... три?

— Четыре, — мягко поправляет она. — Не обижай их.

— Я их не обижаю, — говорю. — Я пытаюсь помнить.

В коре на миг сжимается, а потом раскрывается шире частичка света. Между двумя корнями прямо передо мной воздух начинает дрожать. Из этой дрожи поднимается поле и обретает форму Круга Миров. Сначала — Огненный круг: небольшой, ослепительно-белый шар висает чуть выше корней. От него во все стороны расходятся тонкие нити. Свет чувствуется не глазами, а оболочкой — колет, но не обжигает.

Вокруг одна за другой проступают полупрозрачные кольца. На них вспыхивает шесть узлов.

— Круг Шести Миров, — говорит Эллатра. — Так я их держу.

На миг картинка сжимается и переходит ко мне на ладонь. Шесть миров висят в темноте, связаны тонкими нитями; их свет дрожит. Я вижу весь круг сразу.

— Так легче? — спрашивает она. — Когда они не только в словах?

— Да, — говорю. — Так я хотя бы не теряю, где кто.

Кирра тянет жаром, Мерена — аккуратным холодом, Архион — сухой тяжестью. Остальные три ждут своих имён.

— Остальных почувствуешь сам. Спроси у них по нитям.

— Как? — вырывается у меня.

— Так же, как сейчас спрашиваешь меня, — отвечает она. — Только глубже.

Я ухожу глубже полями в корни Древа. Они помогают раскрыть сеть внутри Круга шести Миров. Чувствую тёплую нить Кирры, холод Мерены, тяжесть Архиона... ещё три направления, пока только намёком.

Я тянусь к одному из них. Нить тоньше, чем у Кирры, но живая, быстрая, как струйка воды на ветру.

«Кто ты?» — спрашиваю полем. В ответ пробегает короткий смешок света, перелив — как отблеск от множества мелких поверхностей.

— Силем, — шепчет нить.

Я запоминаю это имя. Следующая глубже, плотнее. Нить почти не двигается, в ней — тяжёлая, собранная тишина. Задаю тот же вопрос. Ответ приходит не сразу: сначала — мягкий, низкий гул, потом одно слово, как удар.

— Архион.

Третья нить сначала кажется пустой, как продолжение Мерены, только без льда. Боюсь, что опять наткнулся на тишину, но всё-таки дотягиваюсь. На самом краю что-то дрогнуло — как лёгкий росток, только проклюнувшийся из тьмы.

— Я Остра, — звучит тихий отклик.

— Услышал? — спрашивает Эллатра. Её голос мягко возвращает меня ближе к поверхности.

— Силем, Архион и Остра, — говорю. — Они ответили мне.

— Теперь ты знаешь их не только по моим словам.

Она как будто касается света Круга контуром ладони. Пучок света чуть тускнеет, нити сворачиваются, узлы сжимаются в точки и Круг шести Миров втягивается обратно в кору древа.

— Образ помогает, — говорит она. — Но настоящее — в нитях.

Её световой узел касается корня.

— Почувствуй их полями через корни. Древо связано со всем Кругом.

— Чувствую. И жар, и холод, и твердость и память... всё разом. Ощущаю провалы в памяти Мерены...

— Быстро заметил, — шепчет Эллатра.

Её свет в коре на миг дрожит.

— Ты... для чего ты сделала меня таким чувствительным?

— Шумы тоже часть мира. Нужен тот, кто будет слышать тоньше. — Отвечает Она и смещает внимание.

Тишина держится пару мгновений.

Корни под ногами шевелятся, дерево вздыхает своим медленным дыханием.

— Вернёмся к обучению, — говорит она уже более собранно. — Дерево — хороший проводник. Здесь легко уйти слишком глубоко.

Приняв удобную форму, я устраиваюсь прямо на корень, в место, где сходятся нити. Чувствую живую сеть подо мной.

Опираюсь рукой рядом. Проваливаюсь в размякший слой трухи вокруг корней. Она влажная, липкая, пахнет кислым. Я отдёргиваю руку, вытираю о кору, но липкость остаётся — тонкая, въедливая.

— Сейчас я направлю твоё поле по нитям через корень, — предупреждает Эллатра. — Если почувствуешь дрожь. Не пугайся, это я.

— А если... — я запинаясь, всё ещё чувствуя на пальцах липкость. — Если услышу не знакомое?

Кора на уровне моего взгляда чуть темнеет, потом снова светлеет.

— Тогда спроси, — говорит Эллатра. — Даже если будешь сомневаться.

Поле внутри собирается плотнее.

— Готов.

Корень подо мной начинает едва вибрировать — глубоко, в слое нитей. Чувствую мягкую тягу: Эллатра берёт мою поле и чуть тянет.

— Не хватайся за образы, — её голос звучит мягко. — Сначала — структура. Натяжение, ритм.

Я стараюсь. Есть дерево, есть я, есть сеть. Есть холод и жар в Круге... есть тишина за его краем...

И вдруг, далеко за краем — тонкий, чужой звук. Еле слышный шорох, будто по большой гладкой поверхности проводят чем-то острым очень далеко.

Моё поле дёргается.

— Это ты? — спрашиваю. — Или...

Натяжение почти сразу ослабевает. Жар и холод уходят на фон. Корень подо мной перестаёт дрожать.

— Я остановила нить, — говорит Эллатра. — Что осталось?

— Шорох всё ещё держится. Тихий, упорный. Если не вслушиваться — теряется. Если вслушаться — остаётся. Но теперь я его различаю. — Звук тонкий. Далеко за краем. Не как Дерево, не как миры. Много маленьких царапин по очень гладкой поверхности.

Крона над нами едва заметно колыхается. Трещинки в коре вокруг моего места на миг замирают.

— Знакомо, но пока я не помню, где слышала такого узора, — добавляет она уже тише. Во мне сжимается. Рефлекс, который записан в моей телесной форме.

— Это плохо? — спрашиваю.

Ответ не приходит сразу.

— Это... интересно, — наконец говорит она. — Сколько раз ты это слышал раньше?

— Не знаю, — честно отвечаю. — Возможно, всегда. Просто раньше я думал, что это Дерево... или ты.

— Дерево шумит иначе, — поправляет она. — Мягко. Это — другой рисунок. И он действительно за краем.

В коре рядом загорается тонкая линия.

— Запомни, — говорит она. — Шорох на краю полей при натяжке нити через корень. Не наш.

— И мы ничего не будем делать? — Слышу в своём голосе лишнюю остроту.

— Сейчас — нет, — спокойно отвечает она. — Для тебя это сигнал: «есть шум». Ты его запоминаешь. И отдаешь в общую память. Этого достаточно.

— Но он... чужой, — настаиваю.

— Возможно, — не спорит Эллатра. — Или я просто не помню, откуда.

Пауза.

— Я тоже не всё знаю. Привыкай.

Слово «привыкай» режет.

— А если я не хочу привыкать? — спрашиваю.

В стволе проходит тихая, почти неслышная волна.

— Тогда не привыкай, — говорит она. — Запоминай. Твоя память — то, чем я дополняю ощущение мира.

— То, что я не могу почувствовать, увидеть или услышать, дополняете вы.

— А если я запомню неправильно?

— Твоя память не обязана быть правильной. Достаточно быть внимательным и честным.

— Её свет в коре теплеет.

— Давай ещё раз, — говорю. — Через корень. Хочу лучше запомнить чужой звук.

— Уверен? — спрашивает она мягко.

— Если шум вернётся, — говорю, — я хотя бы не спутаю его с тобой или деревом.

— Хорошо, — отвечает Эллатра. — Ещё раз.

Поле опять тянется по нити через корень. Я отсекаю лишние звуки. Есть Дерево. Есть моя нить. Есть натяжение. Кирра пульсирует жаром, Мерена лежит холодной впадиной, Архион давит сверху.

И — за самым краем — тот же шорох. Теперь я слышу, что это не одна линия: множество мелких царапин. Каждая — в своём месте, но все — в общем ритме.

Пальцы чуть приподнимаются — словно хочу туда дотянуться.

— Слышу

— Не отталкивай, — просит Эллатра. — Просто отметь и оставайся там.

Я заставляю руку опуститься обратно на корень. Шорох усиливается — будто почувствовал, что его заметили. На миг возникает ощущение, что где-то «там», за пределами, тоже кто-то сидит и слушает.

— Довольно, — говорит Эллатра и отпускает нить. — Не слишком?

Я проверяю себя. Внутри — мелкая сетка дрожи, как свежая паутина после ветра.

— Плотно, — говорю. — Но не ломает.

В корнях подо мной проходит одобрительная, очень тихая волна.

— На сегодня с нитями хватит, — решает Эллатра. — Кажется, нас тоже увидели.

Я замираю.

— Кто? — спрашиваю слишком быстро.

В ответ дерево чуть вздыхает, где-то вверху осыпается сухой мох.

— Там, где ты задаёшь вопрос, кто-то может задаться тем же. Это не всегда угроза. Иногда — просто отражение —, отвечает Эллатра.

Шорох на краю поля на миг становится гуще, как будто кто-то провёл по той самой гладкой поверхности ещё раз — ближе. Потом возвращается к прежней тонкости.

— Мы запомнили, — добавляет она тише. — Пока этого достаточно.

Корни медленно отпускают моё поле, и я чувствую, как глубина отступает, оставляя после себя тонкую дрожь.

Опустив взгляд, я замечаю между двумя крупными корнями, почти у ствола, застрял тонкий, высохший ответвившийся корень. Когда-то живой, он теперь скрючен и тусклый. Он дрожит едва заметно — от общего ритма дерева.

— Он давно здесь? — спрашиваю.

— Давно, — отвечает Эллатра. — И по моему замыслу здесь не должно быть неживого. Но мир не всегда слушается замысла.

Чуть дальше, у ствола, на коре висит старый сухой кокон, почти сросшийся с древесиной. На соседнем корне — облупившееся пятно в форме отпечатка ладони. Всё это не мешает дереву, но цепляется за взгляд.

На пальцах всё ещё держится тонкая липкая плёнка от трухи. Я вытираю руку о мох — липнет только сильнее, смешиваясь с зелёной пылью. Придётся смывать, когда дойду до ручья.

— А если я забуду, как звучит этот шум? — спрашиваю Я

— Мы не забудем, — отвечает она. — Мы все помним вместе. В общей памяти. Но без тебя не будет полного оттенка мира. Поэтому запомни как есть и отдай.

Её свет в коре чуть теплеет.

— И у нас будет место, куда это поместить.

— Место? — переспрашиваю. — Какое?

— Храм, — говорит она просто.

Я поднимаюсь над поверхностью, паря как туман — позволяю полям подхватить меня, скольжу над корнями на небольшой высоте. Так легче смотреть, так легче слушать. Приближаюсь к краю Корневого круга, туда, где корни уходят под камень и начинается спуск в тень. Свет в жилах дерева вдоль тропы чуть усиливается, реагируя на моё поле.

У самой кромки, на толстом корне у спуска, сидит Чувствующая. Небольшая фигура в светлой накидке, ноги болтаются над переплетением корней. Рядом с ней — трое живых: гибкие, с длинными ушами и мягкими лапами, между пальцами — тонкая перепонка. Их поля шуршат тихо, как трава под ветром. Я узнаю фигуру по посадке плеч, по тому, как она чуть склоняет голову, будто прислушиваясь к невидимому течению. У воды она сидела так же. На плече знакомая птица.

Она оборачивается.

— А, — говорит, и голос у неё тёплый, лёгкий. — Это ты. Слышащий.

— Ты всё время чувствуешь моё приближение. — Я опускаюсь на край ручья. Делаю несколько шагов по мху, чувствую его приятную мягкость и прохладу.

— Я Чувствующая живых, — отзывается она, — а ты живой.

Один из зверей тянется мордой к её ладони, другой настороженно косится на меня, третий делает вид, что его это вовсе не касается и продолжает непринужденно лежать у её ног.

— Они тебя слышали, — поясняет она. — Ты ходил глубоко и сильно там шумел.

Я чувствую, как внутри чуть сжимаюсь.

— Я... вроде бы слушал, — говорю. — А не шумел.

— Для Древа — да, — она улыбается краем губ. — Для тех, кто живёт в корнях, ты слушаешь громко.

Один зверь спрыгивает ближе ко мне, останавливается, обнюхивает воздух. Его поле слегка касается моего, щекочет, как лёгкая утренняя роса.

— Боится? — спрашиваю.

— Нет, проверяет, — отвечает Чувствующая. — Они так делают, когда решают, можно ли к кому-то доверять.

— И да, чуть боится, — добавляет она, с небольшой паузой. — Ты большой и светишься по-новому.

— Я им... мешаю? — уточняю.

— Нет, — качает она головой. — Они теперь будут помнить тебя. Как ты — свой шорох. Я замираю.

— Ты знаешь про шорох? — спрашиваю.

Она пожимает плечами.

— Эллатра шепнула, — говорит. — Я не слышу его так, как ты.

Она стучает себя пальцами по виску.

— Я слышу, когда живые разом поднимают головы. Когда те, что в кроне, разлетаются без видимой причины. Когда в корнях что-то замирает.

— И сейчас? — спрашиваю. — Они как-то... по-другому двигаются?

Чувствующая на секунду замолкает, прислушивается всем телом. Птица на её плече переступает лапками, склоняет голову, тоже слушает. Звери рядом напрягаются, принохиваются к воздуху, потом снова расслабляются.

— Сейчас — нет, — говорит она. — Сейчас просто новый голос у дерева.

Она смотрит на меня внимательнее.

— Ты его боишься? — спрашивает.

— Пока нет, — говорю. — Он чужой, но слабый.

Она чешет одного зверя за ухом; тот закрывает глаза и дёргает лапой.

— Если шорох начнёт мешать тем, кто в корнях, я скажу, — а ты скажешь мне, если он изменится по твоему слуху.

— Скажу, — отвечаю я.

Один зверь, самый смелый, наконец решается и касается меня носом. Поле чувствует его — щекотно, тепло, робко.

— Он решил, что ты не хищник, — переводит Чувствующая. — Пока.

— Это долгое «пока», — говорю.

— У них все «пока» долгие, — отвечает она и встаёт. Накидка мягко сползает с корня, касаясь мха. Птица вспархивает с её плеча, делает круг и садится на ветку над нами. Звери поднимаются, вытягиваются, один всё же оглядывается на меня через плечо.

— Если будешь слушать корни глубоко, — добавляет она на прощание, — помни, что под ними тоже есть жизнь.

Она уходит по толстому корню в сторону боковых ходов, негромко свистит, даже не оглянувшись.

Птица срывается с ветки и скользит за ней.

Корни под шагами Чувствующей мягко пружинят. Её поле постепенно растворяется в общем фоне.

Опора по-прежнему стоит у развилки корней. Он не смотрел на нас, не вслушивался — просто стоял, касаясь пальцами корня, и ждал. Когда я подхожу ближе, он поднимает взгляд. Секунду молчит.

— Хорошо слушал, — говорит он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.